ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Генералъ-Маіора Александра Ивановича

Варженевскаго.

Я родился 1788 года Марта 17-го въ городѣ Кіевѣ. Отецъ мой Иванъ Александровичъ служилъ прапорщикомъ въ Брянскомъ Мушкатерскомъ полку. По приходѣ съ полкомъ въ Калугу скончался въ 1793 году. Послѣ смерти отца я остался пяти лѣтъ съ матерью своей Марьей Андреевной, урожденной Бородиной, которая жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ артиллеріи подпоручикомъ Петромъ Андреевичемъ Бородинымъ и матерью Дарьей Кирилловной, урожденной Пироговой, въ имѣніи Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, сельцѣ Нипашинѣ. Для полученія образованія я былъ помѣщенъ въ Калужскій Дворянскій пансіонъ, устроенный по образцу кадетскихъ корпусовъ для приготовленія воспитанниковъ къ военной службѣ. Обмундировка была военная—мундиры и панталоны со штиблетами черные, галстукъ красный, стамедный съ бѣлой обшивкой, солдатская сума на бѣлой лосиной перевязи, портупея поперегъ лосиная, шляпа трехугольная, кругомъ обшитая бѣлой тесьмой: лѣтомъ выходили за городъ въ лагерь для практическихъ занятій. По окончаніи курса воспитанниковъ выпускали по ихъ желанію въ гвардейскіе и армейскіе полки подпрапорщиками и до полка отправляли на извощикахъ на казенный счетъ.

Въ Маѣ 1803 года я былъ выпущенъ подпрапорщикомъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, которымъ тогда командовалъ Генералъ-Маіоръ Лобановъ. Ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Павелъ Сергѣевичъ Щулепниковъ, фельдфебель въ ротѣ—Антоновъ: жалованья получалъ въ треть 4 руб. 50 к.

Въ Августѣ 1805 года полкъ выступилъ въ походъ изъ Петербурга и 9-го Окт. прибылъ въ Брестъ-Литовскъ. Оттуда форсированнымъ маршемъ, по 40 и болѣе верстъ въ день, отправились въ Моравію, гдѣ 13-го Ноября два Императора Александръ I-й и Францъ II-й дѣлали парадъ при городѣ Ольмюцѣ (волосы съ пудрой). 20-го Ноября участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. (Унтеръ-офицеры вмѣсто ружей имѣли алебарды и не несли сумокъ, а одни только ранцы). Передъ сраженіемъ ранцы сняли и послѣ битвы остались безъ нихъ. Отступили въ Венгрію на Годьежичъ, Чейчъ и Голичъ. Нѣсколько дней мы не имѣли продовольствія и только въ Голичѣ нашли капусту, картофель и живую свинью. Вернулись въ Брестъ-Литовскъ черезъ Краковъ. Въ Брестѣ получили ранцы и всю амуницію. Выступили въ Петербургъ; дорогой я заболѣлъ, но капитанъ Щуденниковъ любилъ меня и не оставилъ въ госпиталѣ, а везъ въ своей повозкѣ, часто самъ сидя на облучкѣ. Въ Псковѣ я выздоровѣлъ, а капитанъ въ свою очередь сильно заболѣлъ, остался въ Псковѣ и явился въ полкъ спустя долгое время.

Въ Петербургъ возвратились 7-го Апрѣля 1806 года. Въ этомъ году 30-го Ноября въ Зимнемъ Дворцѣ Императоръ Александръ I-й лично поздравилъ меня прапорщикомъ въ Тамбовскій Мушкатерскій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ, при чемъ Государь сказалъ шефу Тамбовскаго полка Генералъ-Лейтенанту Князю Андрею Ивановичу Горчакову: „даю тебѣ такого офицера, что останешься доволенъ".

Въ Апрѣлѣ 1807 года Тамбовскій полкъ выступилъ въ походъ въ Пруссію, но въ Бѣлостокѣ было получено извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго мира. Изъ Бѣлостока передвинулись въ Кобринъ Гродненской губерніи. 27-го Іюня 1807 года я былъ произведенъ въ подпоручики, жалованья получалъ 250 рублей въ годъ и на это жилъ, не получая ни откуда ничего болѣе, долженымъ никому не былъ, вина не пилъ, въ карты не игралъ, но любилъ танцовать. Командиръ полка полковникъ Башиловъ предложилъ должность полкового адъютанта; я принужденъ былъ отказаться по невозможности имѣть верховую лошадь и былъ назначенъ полковымъ казначеемъ. При самомъ вступленіи въ должность получилъ замѣчаніе отъ Военнаго Министра Графа Аракчеева за неопытность и несоблюденіе формы въ требовательной вѣдомости. Замѣчаніе доставлено было съ курьеромъ и съ

приказаніемъ въ двое сутокъ исправить по формѣ и отправить обратно съ тѣмъ же курьеромъ. Въ 1809 году 12 Марта я былъ произведенъ въ поручики. Въ томъ же году полкъ выступилъ въ походъ противъ Австріи въ составѣ 18 дивизіи подъ командой Графа Ламберта — Главнокомандующимъ былъ Князь Голицынъ. Полкъ простоялъ пять мѣсяцевъ въ городѣ Терновѣ въ Галиціи удобно и весело до заключенія мира, а затѣмъ выступилъ въ Молдавію въ мѣстечко Штифонешти, а я былъ посланъ въ Москву для принятія вещей и денегъ. Въ оба конца заѣзжалъ я навѣстить свою мать, принялъ вещи и нагналъ транспортъ въ Курскѣ, откуда направился въ Яссы. Между тѣмъ полкъ въ 1810 году перешелъ Дунай въ корпусѣ Графа Каменскаго 1-го для дѣйствія противъ Турокъ. Я прибылъ въ полкъ подъ Шумлой и участвовалъ въ дѣйствительномъ сраженіи, въ траншеяхъ и отраженіи вылазки и атаки Турокъ, которые были разбиты и вогнаны съ громаднымъ урономъ и потерею многихъ знаменъ обратно въ крѣпость. Корпусъ Каменскаго долго стоялъ подъ Шумлой и затѣмъ отретировался опять до Силистріи и по Дунаю къ Рущуку. Турки вышли изъ Шумлы и заняли Битинскія высоты. Тамбовскій полкъ въ составѣ арміи бралъ штурмомъ Битинскія укрѣпленія и городъ Рущукъ. Взято было много знаменъ, пушекъ и плѣнныхъ. Послѣ этого полкъ отправился въ Бухарестъ, а я былъ посланъ въ Кіевъ за вещами и деньгами. Когда я вернулся въ полкъ, командиръ полка получилъ продолжительный отпускъ и командованье сдалъ старшему подполковнику Соколову. 1811 года Декабря 3-го, далеко не бывъ старшимъ поручикомъ, я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и посланъ, имѣя подъ начальствомъ 4-хъ офицеровъ и лучшихъ унтеръ-офицеровъ, для составленія особаго баталіона подъ названіемъ рекрутскаго депо въ г. Конотопъ Черниговской губерніи. Квартира моя была въ Батуринѣ -здѣсь обучались рекруты. Весной 1812 года мы выступили въ походъ въ составѣ временныхъ нумерныхъ полковъ, и я именовался командующимъ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ подъ начальствомъ Графа Милорадовича, и для скорости половина людей на подводахъ, черезъ губерніи Орловскую и Калужскую и присоединились къ дѣйствующей арміи въ Царево-Займищѣ, а я Высочайшимъ приказомъ съ офицерами и нижними чинами переведенъ въ Брестскій пѣхотный полкъ и съ нимъ отступалъ до Бородина въ корпусѣ Багго-

вута, гдѣ 26-го Августа участвовалъ въ знаменитомъ сраженіи. На другой день ужасной битвы Бородинской офицеры и нижніе чины, оставшіеся въ живыхъ, которые привели резервы въ армію изъ Черниговской губерніи, командированы были черезъ Верею и Боровскъ въ Калужскую губернію обучать ополченіе. Въ Боровскѣ я не засталъ моей матери и встрѣтился съ ней неожиданно въ Калугѣ, откуда обученныхъ людей отводилъ въ армію подъ Тарутино. Послѣ Малоярославецкаго дѣла я былъ посланъ въ Арзамасъ Нижегородской губерніи обучать рекрутъ. Въ Февралѣ 1813 года я былъ произведенъ въ капитаны и весной съ полубаталіономъ отправился за границу чрезъ Варшаву и въ Прусской Силезіи соединился съ своимъ Брестскимъ полкомъ, которымъ командовалъ подполковникъ Чертовъ. Въ городѣ Фрейбургѣ сдалъ людей и получилъ въ командованіе 1-ую Мушкатерскую роту. Полкъ состоялъ въ корпусѣ Графа Ланжерона и, послѣ смотра Императора Александра I-го и Прусскаго Короля при городѣ Лансгутѣ, поступилъ въ составъ арміи подъ командой Блюхера. Военныя дѣйствія съ перемѣннымъ успѣхомъ были направлены на защиту Берлина. При переправѣ черезъ Эльбу было жаркое дѣло съ Французами, которые были отѣснены и потеряли конно-артиллерійскую баттарею, послѣ чего направились къ г. Лейпцигу. Не доходя до него, выдержали мы жестокое сраженіе, но вышли побѣдителями и на другой день прибыли къ Лейпцигу, гдѣ соединились съ главной арміей. Была общая дневка, а затѣмъ 4-го, 5-го и 6-го Октября знаменитое сраженіе, за которое я получилъ орденъ св. Анны 3-й степени—„за удержаніе стремленія непріятельскаго на наши орудія и спасеніе своего бригаднаго генерала". Затѣмъ полкъ былъ назначенъ въ авангардъ и преслѣдовалъ непріятеля чрезъ Саксенъ Веймаръ, Саксенъ Кобургъ Гота, Виртембергъ и Баденъ, и въ отрядѣ съ Вильманстрандскими и Харьковскими драгунами и артиллеріей подъ командой Генералъ-Маіора Іозефовича былъ направленъ къ Вестфаліи и занялъ Кассель—бывшую резиденцію Короля Іеронима. Въ авангардѣ ежедневныя перестрѣлки и стычки такъ пріучили насъ къ опасности, что сраженіе считалось дѣломъ обыкновеннымъ и никто о немъ не говорилъ и о смерти не помышлялъ. 4-го Ноября отрядъ выступилъ въ г. Дюссельдорфъ. Французы, перейдя Рейнъ, открыли по городу канонаду. Мнѣ было приказано съ ротой занять берегъ

Рейна, какъ вдругъ отъ непріятельскаго ядра, попавшаго въ крышу дома, отскочила половинка черепицы и ударила меня въ правую щеку такъ, что я упалъ въ безпамятствѣ и опомнился только на квартирѣ въ домѣ аптекаря, который самъ перевязалъ щеку, а двѣ дочери его ухаживали за пострадавшимъ. Я скоро оправился и выступилъ берегомъ Рейна вверхъ до города Нейвида для препятствованія Французамъ переправляться черезъ Рейнъ, и обратно до Дюссельдорфа, и такъ до 26-го Декабря, когда полкъ переправился черезъ Рейнъ при городѣ Кобленцѣ и вступилъ во Французскія владѣнія. Изъ Кобленца черезъ Тріеръ отрядъ подошелъ къ крѣпости Мецъ съ гарнизономъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Комендантомъ Меца былъ маршалъ Дюрокъ. Нашъ отрядъ,—не болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ обложилъ тонкой цѣпью городъ со всѣхъ сторонъ и съ Января 1814 года по 20-е Марта выдержалъ это трудное и опасное положеніе, не смотря на постоянныя вылазки. 20-го Марта гарнизонъ усиленно атаковалъ нашъ отрядъ, узнавъ, что Наполеонъ приближается къ крѣпости, и мы принуждены были отступить на 15 верстъ, удерживая стремленіе непріятеля при всякой возможности до самой ночи. Въ тылу нашемъ оказался тоже непріятельскій отрядъ, и ночью у насъ на военномъ совѣтѣ предположено было пробиться штыками къ крѣпости Туль, занятой Русскими, но къ счастію поутру непріятель вдругъ къ удивленію нашему бросился быстро обратно въ Мецъ—мы пошли его преслѣдовать и благополучно заняли прежнія позиціи. Произошло это оттого, что приближался Гессенскій корпусъ, чтобы смѣнить нашъ отрядъ, а намъ приказано было идти къ Парижу. На слѣдующій день мы сдали посты Нѣмецкому отряду, тысячъ въ 20-ть человѣкъ, а сами направились въ городъ Люксембургъ для обходнаго движенія къ Парижу. По прибытіи нашемъ въ Люксембургъ, жители сейчасъ же устроили балъ, но мы, по тревогѣ, въ двѣнадцатомъ часу ночи, подъ дождемъ быстро выступили черезъ горы, по узенькой тропинкѣ обратно къ крѣпости Туль и соединились тамъ съ нашимъ гарнизономъ. Причиной этого движенія было то, что, какъ только мы направились отъ Меца къ Люксембургу,—Французы сдѣлали вылазку, разбили Нѣмцевъ и, открывши себѣ путь во всѣ стороны, бросились къ Люксембургу преслѣдовать нашъ отрядъ, но, не успѣвъ захватить врасплохъ, возвратились обратно. Намъ же приказано было опять вернуться къ

Мецу и обложить его, что и было исполнено. Вскорѣ было получено извѣстіе о взятіи Парижа и заключено было перемиріе, послѣ чего мнѣ пришлось съ нѣсколькими офицерами обѣдать у маршала Дюрока. Спусти нѣкоторое время двинулись обратно въ Россію черезъ Баденъ, Виртембергъ, Баварію, Саксонію, Пруссію и Герцогство Варшавское и шли до 11-го Августа, когда расположились на квартиры въ Гродненской губерніи близъ мѣстечка Рофаловки въ селѣ Езерцахъ.

Послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы во Францію, союзники вновь двинули туда же свои войска, и 7-го Апрѣля 1815 года Брестскій полкъ перешелъ границу и черезъ Австрію, Баварію, Виртембергъ и Баденъ, при городѣ Мангеймѣ 15-го Іюня переправившись черезъ Рейнъ, вступилъ во Францію, прошелъ мимо Страсбурга и былъ назначенъ въ Главную Союзную Квартиру для содержанія карауловъ, такъ какъ гвардія была далеко позади.

Полкъ неоднократно по-баталіонно выставлялъ по дорогѣ шпалеры для проѣзда Императора Александра I и Короля Прусскаго, въ особенности въ лѣсахъ, такъ какъ были случаи стрѣльбы изъ лѣса и разъ даже былъ раненъ такимъ образомъ одинъ изъ флигель-адьютантовъ Русскаго Императора. Прибыли благополучно въ городъ Нанси, гдѣ присоединилась Прусская гвардія. Императора Александра повсюду встрѣчали съ восторгомъ, въ особенности энтузіазмъ возросталъ въ театрѣ—какъ только Императоръ показывался въ ложѣ, крикамъ „vive l'Empereur“ не было конца. Множество живописцевъ старались набросать на полотнѣ моментъ появленія въ театрѣ Александра. Здѣсь было получено извѣстіе объ окончательной побѣдѣ надъ Наполеономъ при Ватерлоо. Всю Русскую армію поставили на квартиры. Брестскій полкъ стоялъ близъ города Мо, недалеко отъ Парижа.

Офицеры наслаждались въ прекрасныхъ помѣщеніяхъ, всюду ихъ встрѣчали и чествовали, и понятенъ ихъ восторгъ и удивленіе при посѣщеніи Парижа. Просто сами себѣ не вѣрили, что изъ Арзамаса попали въ столицу Франціи. Все насъ интересовало и удивляло—и зданія, и невиданные магазины, гостиницы, и укладъ жизни, и постоянное стремленіе урвать плату за каждую ничтожную услугу, къ чему Русскіе того времени совершенно не были пріучены. Palais-Royal—центръ тогдашней Парижской жизни, рестораны и театры

произвели особо сильное впечатлѣніе. Въ Тюльерійскомъ саду расположилась Англійская гвардія лагеремъ, а Русская и Прусская частью по квартирамъ, частью въ казармахъ. Во время прогулки по Тюльерійскому саду я видѣлъ, какъ Король Людовикъ XVIII вышелъ на балконъ и раскланивался съ толпой, которая шумно привѣтствовала его, шляпы и платки летѣли въ воздухъ и крики „vive le Roi" долго не смолкали.

Осматривали мы также „Аустерлицкій" мостъ, построенный Наполеономъ въ память побѣды 1812 года. На этомъ мосту Императоръ Александръ приказалъ сдѣлать надпись: „по этому мосту прошла побѣдоносная Русская Армія въ 1814 году". При осмотрѣ Вандомской колонны я былъ пораженъ тѣмъ, что Французы, такъ обожавшіе Наполеона, по взятіи Парижа столкнули съ колонны статую великаго Императора, а также такимъ громаднымъ количествомъ насквилей на него, что правительство было вынуждено ихъ запретить. Впрочемъ были и сторонники сверженнаго Императора, которые дѣлали различныя непріятности союзнымъ военнымъ, почему Русскимъ офицерамъ при посѣщеніи Парижа дозволено было надѣвать фраки. Пробывъ нѣсколько дней въ Парижѣ, мы вернулись въ полкъ, затѣмъ недѣли черезъ двѣ вновь ѣздили въ Парижъ.

Вскорѣ Русская армія была собрана лагеремъ при городѣ Вертю— дорогой туда, проходя города Шалонъ на Марнѣ и Эперне, мы осматривали огромные подземные погреба съ знаменитымъ шампанскимъ виномъ.

30-го Августа Императоръ Александръ съ союзными монархами дѣлалъ смотръ войскамъ, которыя послѣ столь продолжительныхъ войнъ и походовъ представились въ самомъ блестящемъ видѣ. На одной сторонѣ равнины возвышался курганъ, на которомъ помѣстились Высочайшія Особы и сигнальная пушка, а кругомъ кургана амфитеатромъ были устроены мѣста для публики. Всѣ движенія войскъ исполнялись безъ команды, по сигнальному выстрѣлу. Смотръ закончился церемоніальнымъ маршемъ въ знакъ прощанія съ Франціей.

Брестскій полкъ по маршруту отправился черезъ Баварію, Саксонію и Пруссію въ Россію. Штабъ полка расположился въ городѣ Владимірѣ Волынскомъ, а моя 1-я гренадерская рота въ 30-ти верстахъ въ имѣніи Русскаго помѣщика Александра Аоанасьевича Лео-

видова. У него была величественная православная церковь, прекрасные пѣвчіе, своя музыка, частые спектакли, балы, танцы—семья состояла изъ жены, сына—молодого человѣка и двухъ взрослыхъ дочерей,—словомъ, для молодого офицера жизнь была веселая. При проѣздѣ Императора черезъ городъ Дубно мнѣ пришлось выступать туда съ ротой для почетнаго караула. Тамъ мнѣ было объявлено Высочайшее благоволеніе, а гренадеры мои получили по рублю на человѣка.

6-го Декабря 1816 года я былъ переведенъ въ Кіевскій Гренадерскій полкъ и съ грустью разстался съ Брестскимъ полкомъ и товарищами.

По дорогѣ къ мѣсту своего новаго служенія – въ городъ Дорогобужъ, Смоленской губерніи—я заѣхалъ повидаться, послѣ продолжительныхъ походовъ, къ моей матери, жившей, послѣ смерти своего брата, въ одиночествѣ въ своемъ имѣніи, въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Затѣмъ прибылъ въ полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Николай Ивановичъ Жуковъ, и получилъ 1-ю гренадерскую роту, квартировавшую по деревнямъ. По переводѣ полка въ городъ Мещовскъ, Калужской губерніи, 1-я рота была расположена въ селѣ Щелкановѣ.

Въ 1818 году, по распоряженію корпуснаго командира изъ всего гренадерскаго корпуса былъ посланъ одинъ капитанъ— и выборъ палъ на меня, и отъ каждаго полка по одному оберъ-офицеру, и по двѣнадцати лучшихъ унтеръ-офицеровъ въ главную квартиру 1-й арміи въ городъ Могилевъ на Днѣстрѣ. Главнокомандующимъ былъ Графъ Остенъ-Сакенъ, а начальникомъ штаба Генералъ-лейтенантъ Дибичъ—будущій Фельдмаршалъ „Забалканскій“. Въ Могилевъ прибыли также лучшіе унтеръ-офицеры изъ гвардейскаго корпуса и вмѣстѣ съ прибывшими гренадерами составили подъ моей командой сводный-учебный баталіонъ безъ рядовыхъ. Все лѣто 1818 года я пробылъ въ Могилевѣ и черезъ день обѣдалъ у Дибича, а по праздникамъ у Главнокомандующаго. Осенью со ввѣренной командой я прибылъ къ штабъ гренадерскаго корпуса въ городъ Калугу. За отличіе я былъ произведенъ въ маіоры и переведенъ въ Екатеринославскій Гренадерскій полкъ, получилъ Высочайшее благоволеніе и денежную награду. При корпусномъ штабѣ вновь составленъ былъ подъ моей командой учебный баталіонъ, который въ 1820 году я

представилъ начальнику штаба Дибичу, и поступилъ въ полкъ, гдѣ получилъ 3-й баталіонъ. Командиромъ полка былъ полковникъ Шульгинъ, впослѣдствіи Генералъ-губернаторъ Петербурга. Въ 1821 году за отличіе я былъ произведенъ въ подполковники и 3-го Декабря переведенъ Лейбъ-Гвардіи въ Гренадерскій полкъ. Квартируя съ Екатеринославскимъ полкомъ въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, я познакомился съ помѣщиками села Агафина, Гавріиломъ Андреевичемъ и Еленою Егоровною Дедеревыми, и 13-го Января 1822 года женился на дочери ихъ Елизаветѣ Гавріиловнѣ. Отцемъ посаженымъ былъ командиръ полка Шульгинъ, а матерью посаженой тетка невѣсты—Елизавета Петровна Вадковская, рожденная Елагина. Свадьба прошла весело, офицеры Екатеринославскаго полка въ полномъ составѣ, а также болѣе половины изъ Таврическаго Гренадерскаго полка принимали участіе въ празднествѣ. При церковныхъ дверяхъ былъ поставленъ Гренадерскій взводъ въ почетномъ карауле, а въ комнатахъ, при дверяхъ по два унтеръ-офицера въ парадной формѣ: церковь и дворъ были иллюминованы, двѣ музыки полковая и инструментальная, пѣвчіе, танцы—пиръ продолжался пять дней сряду. Одно меня огорчало,—что моя мать, разбитая параличемъ, не могла присутствовать на торжествѣ. Черезъ мѣсяцъ я одинъ отправился въ Петербургъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, который квартировалъ тогда въ казармахъ у Царицына луга, а жена моя осталась у родителей до весны, когда прибыла ко мнѣ въ Петербургъ съ своимъ отцемъ и братомъ. Полкъ перевели въ казармы на Петербургской сторонѣ, и въ 1822 году я получилъ баталіонъ. Въ исходѣ этого года умерла моя мать въ своемъ имѣніи и похоронена при приходской церкви въ селѣ Марьинѣ Боровскаго уѣзда, съ сѣверной стороны. Осенью я взялъ отпускъ на 28 дней и поѣхалъ съ женой къ ея родителямъ, затѣмъ вернулся въ полкъ, а жена моя осталась въ деревнѣ, гдѣ и родила 22 Марта 1823 года перваго сына Александра. Поправившись, она возвратилась въ Петербургъ. Гвардейская служба текла своимъ порядкомъ—парады, ученья, лагери, маневры, часто въ присутствіи Императора, который постоянно оказывалъ мнѣ свое благоволеніе.

20 Ноября 1824 года случилось въ Петербургѣ страшное наводненіе—почти весь городъ былъ залитъ водой; по улицамъ ѣздили въ

лодкахъ; много погибло людей и еще того больше осталось безъ крова и куска хлѣба. Казармы Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка были залиты до 2-го этажа; въ конюшняхъ много погибло лошадей, но мои лошади выплыли и ихъ, плавающихъ на дворѣ, переловили и по каменной лѣстницѣ съ большимъ трудомъ ввели въ залъ моей квартиры—тамъ онѣ переночевали, а кормили ихъ печенымъ хлѣбомъ. Вода упала въ 11 часовъ вечера 21-го Ноября.

Въ 1825 году я былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, а 21 Мая у меня родился второй сынъ Константинъ.

Поздней осенью была получена горестная для всей Россіи вѣсть—что Императоръ скончался въ Таганрогѣ, и вся Гвардія присягнула законному Наслѣднику, новому Императору Константину. Отъ Гвардейской пѣхоты по одному баталіону съ полка по очереди квартировали за городомъ и въ это время очередь была за моимъ баталіономъ, который и былъ расположенъ въ 20-ти верстахъ отъ Петербурга въ селѣ Павловскомъ. Вскорѣ было объявлено объ отреченіи отъ престола Константина и о вступленіи на престолъ Великаго Князя Николая. 14-го Декабря 1825 года послѣдовала всѣмъ полкамъ присяга Императору Николаю I-му. Къ несчастію, много офицеровъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго и Гренадерскаго и Морского Экипажа было въ числѣ заговорщиковъ. Они смутили немало нижнихъ чиновъ, уговаривая не присягать Николаю, такъ какъ Константинъ отъ престола не отрекся. Лейбъ-Гренадеры 1-го и 2-го баталіоновъ, подстрекаемые поручикомъ Пановымъ,—что вся Гвардія отказалась присягать,—въ безпорядкѣ бросились изъ казармъ со знаменами на Сенатскую площадь, гдѣ и присоединились къ другимъ возмутившимся частямъ. За полчаса до этого командующій 1-й Фузилерной ротой поручикъ Сутгофъ уже увлекъ роту на площадь, гдѣ взбунтовавшіяся войска составили возлѣ Сената плотное карэ. Командующій Лейбъ-Гренадерами полковникъ Стюрлеръ на площади былъ смертельно раненъ—и вскорѣ умеръ—чужимъ офицеромъ Каховскимъ. Императоръ приказалъ всей Гвардіи прибыть на площадь. Конно-Гвардейскій полкъ по-эскадронно нѣсколько разъ бросался на карэ въ аттаку, но безрезультатно, теряя каждый разъ нѣсколько раненыхъ людей. Когда ничто не помогало, въ крайности было приказано открыть по бунтовщикамъ картечный огонь, послѣ чего они дрогнули и бѣжали

съ площади. Къ вечеру всѣ безпорядки прекратились. Въ этотъ-же день я получилъ Высочайшее повелѣніе самымъ поспѣшнымъ образомъ со ввѣреннымъ мнѣ баталіономъ, взявъ съ собой сколько возможно продовольствія и боевые патроны, прибыть въ Петербургъ. Узнавъ о происшедшемъ возмущеніи, я крайне удивился и ужаснулся; но мѣшкать было некогда, баталіонъ былъ въ сборѣ для ученья, и я, созвавъ ротныхъ командировъ, далъ имъ нужныя указанія и немедленно выступилъ въ столицу форсированнымъ маршемъ, выславъ авангардъ, арьергардъ и боковые патрули, что было необходимо по случаю разсыпавшихся повсюду взбунтовавшихся людей, которые приставали къ войскамъ для возбужденія и совращенія къ бунту. Не доходя 6-ти верстъ до города, близъ такъ называемаго „Краснаго Кабачка", я увидалъ густую конную цѣпь изъ Лейбъ-Уланъ и Конныхъ Егерей, которая никого не пропускала ни туда ни сюда. Экипажей и народу скопилось множество. Старшій командиръ всей цѣпи Генералъ-адьютантъ Чичеринъ, увидавъ меня, идущимъ съ баталіономъ, приказалъ остановиться и именемъ Императора подчинилъ себѣ. Я поставилъ баталіонъ въ колонну, велѣлъ снять ранцы и распорядился, чтобы офицеры никуда не отлучались. Чичеринъ вдругъ потребовалъ отъ меня дать письменный реверсъ съ поручительствомъ о благонадежности офицеровъ. Я утвердительно, по словесно ему донесъ, что во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ какъ г. г. офицеры, такъ и нижніе чины находятся въ должномъ повиновеніи, что военная дисциплина никогда не была потеряна и что я во всемъ этомъ ручаюсь. На вопросъ Чичерина—„кто у Васъ Императоръ?"—Я отвѣчалъ—„Константинъ", (потому что загороднымъ баталіонамъ не было еще объявлено о происшедшей перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи, а Генералъ Чичеринъ и его конныя войска дали уже присягу Императору Николаю).—„Коль скоро такъ";—возразилъ Чичеринъ—„я не принимаю Васъ подъ свое командованіе". Я отвѣчалъ—„какъ прикажете; я имѣю повелѣніе слѣдовать въ городъ"—и скомандовалъ: „баталіонъ, надѣвай ранцы"—барабанщикамъ приказалъ ударить маршъ и мимо Генерала двинулся къ заставѣ. Вдругъ вижу навстрѣчу летятъ на курьерскихъ флигель-адьютантъ Императора и адьютантъ Великаго Князя Михаила Павловича полковникъ Вишняковъ; поровнявшись со мной, они остановились и выразили удивленіе, почему я не подъ

командой Чичерина и баталіонъ не расположенъ тамъ, гдѣ слѣдовало. Получивъ объясненіе, они просили остановиться вокругъ заставы, не вступая въ городъ. Я отвѣчалъ, что сдѣлать этого не могу безъ письменнаго предписанія. Послѣ чего они вернулись назадъ и привезли записку отъ Великаго Князя Михаила Павловича. Вслѣдствіе его приказанія я остановилъ баталіонъ близъ заставы, взойдя на площадку дачи, окруженной рвомъ, поставилъ въ дивизіонную колонну и послалъ команду съ офицеромъ принять подъ росписку отъ хозяина дрова, разложилъ огни, поставилъ часовыхъ, а самъ съ офицерами расположился на мосту, ведущемъ къ шоссе, безпрестанно посылая рапорты въ городъ къ Великому Князю съ проѣзжающими его адъютантами о состояніи баталіона. Тутъ переночевали и провели слѣдующій день на открытомъ воздухѣ. Узнавъ о случившемся въ городѣ и о безпорядкахъ въ полку, я очень безпокоился за свое семейство, оставшееся въ казармахъ, но 15-го Декабря жена моя прислала деньщика Хомякова, который пробрался черезъ Охту, переползъ по тонкому льду черезъ Неву и принесъ радостное извѣстіе, что въ семьѣ моей все благополучно. 16-го числа получилъ я предписаніе отправиться обратно въ Павловское, а 17-го прибылъ туда начальникъ Гвардейской пѣхоты Генералъ-адъютантъ Бистромъ съ полковымъ священникомъ для приведенія баталіона къ присягѣ на вѣрность Императору Николаю I-му. Я прочелъ выстроенному баталіону актъ отреченія отъ престола Константина, и затѣмъ баталіонъ принялъ присягу. По окончаніи Генералъ Бистромъ благодарилъ меня за порядокъ и отправился съ донесеніемъ къ Государю. Черезъ недѣлю я былъ потребованъ во дворецъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, который при командующемъ полкомъ полковникѣ Шиповѣ лично благодарилъ, разцѣловалъ и сказалъ: „Императоръ и я всегда оставались увѣрены въ тебѣ и твоемъ баталіонѣ“. Повидавшись съ семьей, я въ тотъ же день возвратился къ баталіону. Въ 1826 году у меня родился третій сынъ Иванъ. Въ 1827 году я получилъ орденъ св. Анны 2-й степени. Въ 1828 году въ первыхъ числахъ Апрѣля полкъ выступилъ въ составѣ всей Гвардіи въ походъ противъ Турокъ. Командиромъ полка въ то время былъ Генералъ-Маіоръ Фрейтагъ. Жена моя съ дѣтьми и прибывшей къ ней матерью отправилась въ имѣніе своихъ родителей—село Агафино Медынскаго уѣзда Калуж-

ской губерніи. Полкъ слѣдовалъ на Гатчину и Великія Луки, откуда Великій Князь Михаилъ Павловичъ лично уволилъ меня въ отпускъ на 20 дней—проститься съ семьей. Быстро протекло время, и я, разставшись съ беременной женой и тремя сыновьями, съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился на войну и присоединился къ полку въ Оршѣ. Далѣе слѣдовали черезъ Могилевъ и Кіевъ. Тутъ военный Генералъ-Губернаторъ Желтухинъ, бывшій командиръ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка во время дневки далъ для офицеровъ полка отличный обѣдъ и балъ, а нижнимъ чинамъ на площади обѣдъ, угостивши всѣхъ по русски. Съ соизволенія Государя въ соборѣ, близъ праваго клироса, въ особомъ кіотѣ положенъ именной списокъ всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Гвардіи, проходившихъ въ 1828 году черезъ городъ походомъ противъ Турокъ. Пройдя черезъ Волынскую, Подольскую губерніи и Бессарабію и переправившись 4-го Августа противъ взятой у Турокъ крѣпости Исакчи черезъ рѣку Дунай, вступили въ Турецкія владѣнія. Въ Исакчи простояли лагеремъ четыре дня и двинулись далѣе дивизіями черезъ Бабадахъ (здѣсь я получилъ извѣстіе о рожденіи четвертаго моего сына Гавріила), Кюстенжи, Коварну до крѣпости Варны на берегу Чернаго Моря, гдѣ съ 28-го Августа мы участвовали въ осадѣ этой крѣпости. По приходѣ къ Варнѣ всего Гвардейскаго корпуса, Императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ смотръ Гвардіи. Въ тотъ день я былъ дежурнымъ по лагерю и первымъ встрѣтилъ верхомъ Его Величество, который милостиво поздоровался и остался всѣмъ доволенъ. На другой день полкъ остановился на высотахъ противъ крѣпости. Картина была величественная—внизу со всѣхъ редутовъ бомбардируютъ городъ, а съ лѣва нашъ Черноморскій флотъ, выстроенный въ линію, тоже со всего борта обсыпаетъ городъ ядрами. Турки отвѣчаютъ тѣмъ-же. На третій день они дѣлаютъ сильную вылазку, врываются въ наши шанцы, и пошла рукопашная военная потѣха; 13-й и 14-й армейскіе полки тихо отступили. Въ эту минуту Великій Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ мнѣ съ баталіономъ идти подъ гору подкрѣпить Егерей; исполняя приказаніе, я бѣглымъ шагомъ бросился на помощь своимъ; непріятель не выдержалъ натиска свѣжихъ силъ и бѣжалъ въ крѣпость. Егеря заняли траншеи, а я—редутъ съ орудіями позади ихъ подъ № 5. Кругомъ редута росли огромныя деревья грецкихъ орѣховъ и

сады съ черешнями и виноградными лозами съ вполнѣ зрѣлыми плодами; въ садахъ фонтаны чистой воды (Турки любятъ хорошую воду и умѣютъ ее сохранять). Русскіе соблюдали величайшую осторожность въ употребленіи фруктовъ и питьѣ сырой воды, опасаясь заболѣть Азіатской лихорадкой, но, къ несчастію, всетаки, не могли уберечься, такъ какъ дѣлали себѣ изъ виноградныхъ лозъ, чтобы укрыться отъ палящаго знойнаго солнца, маленькіе шалашики не болѣе полуаршина высоты, въ которые помѣщали головы и плечи, а сами лежали на землѣ. Кромѣ защиты отъ жары этимъ способомъ достигали того, чтобы насъ не замѣчали изъ крѣпости, иначе, при малѣйшемъ движеніи, сейчасъ же летѣло ядро. На третій день я, утомясь, уснулъ въ такомъ шалашикѣ. Вдругъ меня разбудили и я увидалъ передъ собой начальника всѣхъ войскъ, осаждавшихъ Варну—Князя Воронцова, который, съ деликатностью извинялся за нарушеніе моего покоя, объявилъ, что, по необходимости, онъ упросилъ Императора послать людей для земляныхъ работъ и изъ Гвардейскихъ полковъ—вести новыя параллели шанцевъ и минъ подъ бастіонъ крѣпости.—Я наряднлъ команду. Въ этотъ же день, въ моемъ баталіонѣ осколкомъ бомбы раненъ поручикъ Вреде и нѣсколько нижнихъ чиновъ—это были первые раненые во всемъ Гвардейскомъ корпусѣ, о чемъ я донесъ Великому Князю Михаилу Павловичу, который сейчасъ-же, пѣшкомъ прибылъ въ редутъ и со свойственной ему добротой души утѣшалъ раненыхъ и приказалъ отправить ихъ въ резервный лазаретъ, а когда, на вызовъ впередъ охотниковъ идти въ шанцы,—весь баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, объявилъ, что готовъ исполнить приказаніе Его Высочества, Великій Князь благодарилъ меня и, разсмѣясь, сказалъ: „въ такомъ случаѣ Варженевскій, предоставляю тебѣ назначить людей". На слѣдующій день, на утренней зарѣ взорвана Русская мина и цѣлый бастіонъ крѣпости взлетѣлъ на воздухъ,—открылся интервалъ саженей въ пятьдесятъ. Отъ взрыва было такое сотрясеніе воздуха, что у насъ въ баталіонѣ люди едва удержались на ногахъ. Черезъ семь дней мнѣ было приказано сдать редутъ Измайловскому полку, а самому съ баталіономъ сѣсть на корабль и переправиться Чернымъ Моремъ на южную сторону Варны—тамъ уже раньше находился 1-й баталіонъ нашего полка. При паденіи Турокъ на Русскую позицію были убиты въ полку—командиръ Генералъ-Маіоръ

Фрейтагъ и полковникъ Зайцевъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ мнѣ принять полкъ и командовать на законномъ основаніи. Командирами баталіоновъ были—1-го Флигель-Адьютантъ полковникъ Князь Мещерскій и 2-го полковникъ Щербицкій. На другой день, 18 Сентября мнѣ было приказано съ полкомъ, ротой Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка и частью казаковъ атаковать на высотахъ, въ разстояніи одной версты отъ нашей позиціи, пришедшаго съ тридцатитысячнымъ корпусомъ Турецкаго пашу Омеръ-Вріона въ укрѣпленномъ его лагерѣ. Часу въ первомъ дня, маневрируя противъ сильнаго непріятеля, 1-й баталіонъ и рота Егерей пошли вправо, по лѣсной дефилеи подъ командой Генералъ-Маіора Головина, а я со 2-мъ баталіономъ и шестью орудіями—влѣво по ровному мѣсту (движеніемъ съ позиціи распоряжался начальникъ Главнаго Штаба Генералъ Дибичъ). Когда подошли къ непріятелю, съ обѣихъ сторонъ открылась жестокая канонада. Построивъ баталіонъ въ карэ, мы остановились, дѣйствуя одними орудіями подъ командой полковника Козлянинова. Непріятель выслалъ всю свою кавалерію, тысячъ по семи, съ цѣлью уничтожить карэ съ орудіями. Турки обскакивали кругомъ карэ и съ ужаснымъ крикомъ бросались въ атаку, но Русская картечь мгновенно разстраивала ихъ ряды съ большимъ для нихъ урономъ. Такія ихъ попытки продолжались до самой ночи, когда ко мнѣ успѣлъ подойти баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и примкнулъ 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ, который сильно пострадалъ, при чемъ командиръ баталіона былъ раненъ пулей на вылетъ въ животъ. Поздно возвратились на позицію. Послѣ того Турки съ огромнымъ корпусомъ не осмѣливались атаковать отрядъ изъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго, Павловскаго и Финляндскаго подъ начальствомъ Генералъ-Адьютанта Бистрома, находившійся между крѣпостью, гдѣ было до 20-ти тысячъ гарнизону, и слѣва моремъ, а справа Лиманомъ пятнадцати верстъ длиной. Отрядъ простоялъ тутъ до 29 Сентября, когда крѣпость сдалась—паша и весь гарнизонъ военнопленными; городъ же былъ почти разрушенъ, кромѣ небольшой части цитадели. 2-го Октября нашъ полкъ, оставивъ ложементы, построился у крѣпости справа по-баталіонно въ колонны, съ распущенными знаменами и сталъ въ головѣ общей колонны всѣхъ войскъ. Въ 11 часовъ утра Императоръ Николай Павловичъ выѣхалъ въ южныя

ворота Варны и былъ встрѣченъ громогласнымъ „ура“ Лейбъ-Гренадеръ. Подъѣхавъ къ полку, Государь благодарилъ за храбрость и твердость, недопустившія непріятеля прорваться въ крѣпость. Послѣ объѣзда войскъ отряда Императоръ приказалъ Лейбъ-Гренадерамъ идти съ права по отдѣленіямъ, полкъ подъ моей командой съ музыкой пошелъ въ крѣпость, а за нимъ всѣ войска отряда. Вступивъ въ южныя ворота, прошли черезъ городъ и вышли черезъ сѣверныя ворота. На площадкѣ передъ воротами были встрѣчены Государемъ, передъ которымъ и проходили по отдѣленіямъ церемоніальнымъ маршемъ.

За Варну я получилъ Высочайшее благоволеніе и алмазныя украшенія на орденъ св. Анны 2-й степени.

Раненые въ полку, около двухсотъ человѣкъ, были отправлены моремъ въ Одессу для лѣченія, а полкъ отправился на зимнія квартиры въ Россійскіе предѣлы, въ городъ Литинъ Подольской губерніи.

Подъ Варной я не избѣжалъ зараженія Азіатской лихорадкой, которая, не смотря на всѣ принятыя мѣры, не поддавалась лѣченію. Придя въ Литинъ, я такъ разболѣлся, что принужденъ былъ просить объ увольненіи отъ службы. Въ началѣ 1829 года прибыла въ Литинъ моя жена съ своимъ братомъ Александромъ Гавриловичемъ Дедеревымъ, оставивъ дѣтей у своей матери въ деревнѣ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Литинъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и, узнавъ о моей болѣзни, прислалъ сказать, что если я могу придти, то чтобы пришолъ къ нему на квартиру просто въ сюртукѣ, если же не могу, то Великій Князь самъ придетъ ко мнѣ. Послѣ сильнаго пароксизма, я собралъ послѣднія силы и явился къ Великому Князю, который увидавъ меня, сказалъ:—„не могу узнать тебя, Варженевскій, ты совсѣмъ умирающій“,—обнялъ, цѣловалъ и утѣшалъ словами, совѣтуя не унывать,—„вотъ тебѣ мой экипажъ и на дорогу деньги—поѣзжай за границу, лѣчись и возвратись на службу здоровымъ“. Я отъ души благодарилъ Великаго Князя за все, но просилъ одной милости—увольненія въ отставку, обѣщая, по выздоровленіи, опять явиться на службу Царскую,—но Великій Князь не согласился на это.

По отъѣздѣ Его Высочества въ Петербургъ, болѣзнь настолько усилилась, что я вынужденъ былъ подать формальное прошеніе и

16-го Апрѣля 1829 года по Высочайшему приказу былъ уволенъ за болѣзнію отъ службы Генералъ-Маіоромъ съ мундиромъ и пенсіей.

Сдавши полкъ новому командиру Генералъ-Маіору Ивану Павловичу Шипову, я сталъ собираться въ путь. Общество офицеровъ полка устроило прощальный обѣдъ своему бывшему начальнику. 8-го Мая въ большомъ саду разбили шатеръ и среди него поставили столъ, надъ мѣстомъ для меня былъ сдѣланъ изъ цвѣтовъ мой вензель и обвитъ моимъ собственнымъ шарфомъ, (шарфъ этотъ я болѣе уже не надѣвалъ). Всѣ офицеры полка безъ исключенія были на лицо, а музыканты, барабанщики, хоръ пѣвчихъ и съ каждой роты фельдфебель, унтеръ-офицеры и по нѣсколько рядовыхъ группами были размѣщены въ саду. Въ 2 часа дня полковые капитаны прибыли ко мнѣ на квартиру и просили пріѣхать на обѣдъ. Я чувствовалъ себя нѣсколько лучше, могъ надѣть мундиръ, но уже безъ эполетъ и шарфа, и отправился на обѣдъ. У подъѣзда офицеры вынули меня изъ экипажа и на рукахъ понесли черезъ домъ въ садъ. Музыка играла, барабанщики били маршъ, нижніе чины кричали „ура“. Я былъ очень тронутъ и выпилъ послѣдній бокалъ шампанскаго съ ротными товарищами, разцѣловался и разстался со многими на вѣчную разлуку. Такъ кончилась моя военная служба.

Въ скоромъ времени я отправился съ женой на своихъ лошадяхъ въ имѣніе моей тещи, въ Медынскій уѣздъ Калужской губерніи. Дорогой, въ Бердичевѣ переодѣлся въ „партикулярное“ платье, при чемъ, въ началѣ, мнѣ было очень странно видѣть на себѣ вмѣсто мундира фракъ, затѣмъ останавливался на нѣсколько дней въ Кіевѣ, чтобы помолиться святынѣ и черезъ Орелъ и Калугу прибылъ благополучно въ село Агафино.—Свиданіе съ тещей было самое сердечное, два старшіе сына говорили и понимали уже, третій—глухонѣмой, а четвертый у кормилицы. Дѣти прыгали, ласкались и болтали безъ умолку и я съ женой наслаждались тихимъ семейнымъ бытомъ, но гнѣздившаяся въ организмѣ Азіатская лихорадка вновь дала себя чувствовать. Я сильно разболѣлся и по совѣту тещи поѣхалъ въ городъ Вязьму, гдѣ обратился къ доктору Юденичу, который меня совершенно вылѣчилъ отъ лихорадки, и я всегда съ благодарностью вспоминаю его.

Домъ въ Агафинѣ былъ помѣстительный и я съ семьей занялъ

весь верхній этажъ. По выздоровленіи я всѣ силы положилъ на пріисканіе собственнаго имѣнія, а также и на то, чтобы дать своимъ старшимъ дѣтямъ приличное воспитаніе. Въ это время близкій сосѣдъ по Агафину, графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ предложилъ мнѣ помѣстить моего старшаго сына Александра къ нему въ домъ, чтобы онъ могъ обучаться вмѣстѣ съ его двумя сыновьями Петромъ и Михаиломъ, равныхъ лѣтъ съ моимъ сыномъ. Я на это согласился, а второго своего сына отдалъ въ извѣстный тогда Московскій пансіонъ Кистера.

Во время одной изъ поѣздокъ моихъ въ Москву для пріисканія имѣнія еще въ 1830 году пріѣхалъ туда-же Великій Князь Михаилъ Павловичъ и, прочитавъ въ газетахъ въ спискѣ пріѣзжихъ мое имя, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я явился въ мундирѣ безъ эполетъ. Великій Князь встрѣтилъ необыкновенно милостиво, обнималъ, цѣловалъ и выразилъ особое удовольствіе, что видитъ меня выздоровѣвшимъ и надежду, что я скоро опять надѣну эполеты. За столомъ было не болѣе шести человѣкъ, въ томъ числѣ начальникъ военно-учебныхъ заведеній Генералъ-Адъютантъ Николай Ивановичъ Демидовъ. Великій Князь за обѣдомъ много разговаривалъ и шутилъ и, обращаясь къ Демидову, сказалъ: „завтрашній день покажи Варженевскому 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ какъ по внутренней части, такъ и по фронтовой“,—и затѣмъ обращаясь ко мнѣ:—„а ты его осмотри, явись ко мнѣ и передай, что ты найдешь“.—На другой день я прибылъ въ домъ Демидова и вмѣстѣ съ нимъ, въ его каретѣ, пріѣхалъ въ Корпусъ, гдѣ уже насъ ожидали. Я нашелъ все въ превосходномъ видѣ. За тѣмъ отправились во дворецъ къ Великому Князю, который былъ очень веселъ и доволенъ, принявъ мой докладъ, и вторично пригласилъ меня обѣдать. За столомъ много и милостиво со мной бесѣдовалъ, распрашивалъ о семействѣ и вскорѣ, по его распоряженію, два старшіе мои сына Александръ и Константинъ были зачислены въ пажи, а мнѣ было предложено занять должность Директора одного изъ Кадетскихъ Корпусовъ, но вслѣдствіе открывшейся въ 1831 году Польской Компаніи назначеніе меня на эту должность затянулось, а въ 1836 году я купилъ имѣніе въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи при сельцѣ Романцовѣ съ деревнями у двоюроднаго брата моей жены Ивана Яковлевича Вадковскаго. Въ этомъ

же году я отвезъ трехъ старшихъ сыновей въ Петербургъ и первыхъ двухъ, по неимѣнію ваканцій въ Пажескомъ Корпусѣ, помѣстилъ въ 1-й Кадетскій Корпусъ, а третьяго сына въ училище для глухонѣмыхъ; въ 1840 году и четвертаго сына помѣстилъ въ тотъ-же 1-й Кадетскій Корпусъ. Почти ежегодно я съ женой или одинъ ѣздилъ въ Петербургъ—навѣщать своихъ дѣтей. Въ 1842 году мой старшій сынъ Александръ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Кексгольмскій Императора Австрійскаго полкъ; въ 1844 году второй сынъ Константинъ выпущенъ прапорщикомъ Лейбъ-Гвардіи въ Гренадерскій полкъ, а въ 1847 году и четвертый мой сынъ Гавріилъ вышелъ подпоручикомъ въ упомянутый Кексгольмскій полкъ.

Къ сожалѣнію, записки моего дѣда, Александра Ивановича Варженевскаго обрываются на 1836 годѣ. Вотъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о дальнѣйшей его жизни.

Переѣхавъ въ Романцово, Александръ Ивановичъ началъ строить усадьбу и съ увлеченіемъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Богъ благословилъ труды его—хозяйство въ Романцовѣ процвѣтало, а крестьяне его благоденствовали и жили такъ, какъ никогда въ позднѣйшія времена не могли уже жить. До сихъ поръ память объ Александрѣ Ивановичѣ не угасла въ бывшихъ его имѣніяхъ и нѣкоторые болѣе пожилые крестьяне еще разсказываютъ, какъ хорошо жилось имъ при покойномъ моемъ дѣдѣ. Послѣ того, какъ дѣти его кончили курсъ и поступили на службу, Александръ Ивановичъ жилъ почти постоянно въ деревнѣ и рѣдко, только въ особыхъ случаяхъ выѣзжалъ надолго изъ любимаго Романцова. Въ 1839 году дѣдъ мой, во время Бородинскихъ маневровъ и открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, обласканный Государемъ Николаемъ Павловичемъ, былъ приглашенъ сопровождать Императора въ числѣ свиты и ежедневно верхомъ являлся въ Бородино. Въ Январѣ 1861 года моя бабушка, простудившись, серьезно заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла. Дѣдъ мой, потерявъ горячо любимую жену, съ которой прожилъ въ рѣдкомъ согласіи, счастливо 39 лѣтъ, раздѣлилъ свои имѣнія между четырьмя сыновьями, а самъ остался жить въ особомъ

флигелѣ въ Романцовѣ, которое отдалъ моему отцу, какъ имѣвшему уже семью, дяди же мои тогда еще не были женаты.

Тихо и мирно протекала его старость; окруженный общимъ уваженіемъ и любовью, достигъ онъ преклоннаго возраста, сохранивъ до послѣднихъ дней всѣ способности, хорошую память и живо интересуясь всѣмъ, что происходило въ окружающей жизни. За нѣсколько дней до смерти, будучи большимъ патріотомъ, онъ очень волновался и страдалъ душой отъ всего того, что выпало на долю нашей родинѣ во время Берлинскаго Конгресса, и послѣдній апоплексическій ударъ сразилъ его, сидящаго въ креслѣ съ газетой въ рукахъ. Скончался мой дѣдъ 10-го Іюня 1878 года на 91-мъ году жизни и погребенъ на кладбищѣ Колочскаго монастыря близъ Бородинскаго поля.

1909 г. Октябрь.
Романцово

Алексѣй Варженевскій.